



УДК 342.41

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-716-725

## Конституционная формализация языка в странах Восточной Европы

<sup>1</sup>Новикова А.Е. , <sup>2</sup>Грищенко Д.С.

<sup>1</sup> Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

[novikova\\_a@bsuedu.ru](mailto:novikova_a@bsuedu.ru)

<sup>2</sup> Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской  
обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика,

Россия, 141435, Московская область, г. Химки, ул. Соколовская, д. 1А

**Аннотация.** Актуальность вопроса правового статуса языка в государстве определена совокупностью конституционных и правозащитных факторов. В числе первых – формализация на государственном уровне официального языка, применяемого во всех направлениях государственной деятельности, вторые включают не только субъективные права, связанные с использованием родного языка, но и направления государственной правозащитной политики в данной сфере. Прикладным аргументом раскрытия заявленной темы выступают участвовавшие в странах Восточной Европы нарушения субъективных прав граждан, связанные с реализацией родного языка на официальном государственном уровне. Вместе с тем отсутствуют специальные конституционно-сравнительные исследования в части легализации статуса языка, в том числе в указанной группе стран. В связи с этим цель данной работы состоит в выявлении в конституциях стран Восточной Европы норм о статусе различных видов языка в государстве, его сопряжениях с индивидуальными и коллективными субъектами социальной и публичной природы. Сделаны выводы об атрибутивном статусе языка на уровне государства; стандартном языковом многообразии (государственный, официальный, родной) и оригинальной единичной формулировке (язык, используемый в международном общении); конституционной аксиологии языка, выраженной в нормах, посвященных конституционному строю и правовому статусу личности.

**Ключевые слова:** язык, официальный язык, государственный язык, конституция, гарантии, национальные меньшинства, субъективные права

**Для цитирования:** Новикова А.Е., Грищенко Д.С. 2024. Конституционная формализация языка в странах Восточной Европы. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 716–725. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-716-725

---

## Constitutional Formalization of Language in Eastern European Countries

<sup>1</sup>Alevtina E. Novikova , <sup>2</sup>Dmitriy S. Grishchenko,

<sup>1</sup> Belgorod State National Research University,  
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

[novikova\\_a@bsuedu.ru](mailto:novikova_a@bsuedu.ru)

<sup>2</sup> The Civil Defence Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia  
1A Sokolovskaya St, Khimki, Moscow region 141435, Russian Federation

**Abstract.** The relevance of the issue of the legal status of language in the state is determined by a combination of constitutional and human rights factors. Among the former ones is a statewide formalization of the official language used in all areas of the state activity, while the latter include not

only subjective rights related to the use of the native language, but also the directions of state human rights policy in this area. The applied argument for the disclosure of the topic is the frequent violations of people's subjective rights in Eastern European countries related to the use of their native language at the official state level. At the same time, there are no special constitutional and comparative studies on the legalization of language status, including in this group of countries. In this regard, the purpose of this work is to identify norms in the constitutions of Eastern European countries concerning the status of various types of language in the state, its relations with individual and collective subjects of a social and public nature. The study draws conclusions about the attributive status of language at the state level; the standard linguistic diversity (state, official, native) and the original single formulation (the language used in international communication); the constitutional axiology of language, expressed in the norms devoted to the constitutional system and the legal status of an individual.

**Keywords:** language, official language, state language, constitution, guarantees, national minorities, subjective rights

**For citation:** Novikova A.E., Grishchenko D.S. 2024. Constitutional Formalization of Language in Eastern European Countries. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 716–725 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-716-725

## Введение

Реализация языкового сегмента внутренней политики Российского государства приобретает особую важность на фоне возрастающих масштабов внешних вызовов и угроз. Конституционный уровень формализации подтверждает значимость государственного или официального языка наряду с такими атрибутами государства, как герб, флаг, гимн. Конституционными поправками 2020 г., полагаем, закреплён важный аксиологический ориентир, отождествивший государственный язык Российской Федерации на всей ее территории с русским языком государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации (ч. 1 ст. 68)<sup>1</sup>.

Результаты ранее осуществленных исследований позволяют утверждать наличие различных подходов к конституционной легализации статуса языка в государствах [Новикова, 2024]. К примеру, «во всех конституциях стран – участниц СНГ легализован государственный язык. В качестве такового выступает, как правило, язык титульной нации. Исключение составляет конституция Беларуси, предусматривающая два государственных языка» [Новикова, 2023, с. 134]. Отметим, что данная группа государств по политико-территориальному устройству относится к унитарной разновидности. Вместе с тем федеративный порядок устройства государства [Батюшкина, 2017; Мархгейм, 2023], наличие автономий [Борисова, 2016] и особое внимание к гарантированию прав коренных малочисленных народов [Краснов, 2019; Петербургский, 2020] оказывают серьезное влияние на языковую политику [Доровских, 2007; Жидикин, 2017; Орешкина, 2020].

Учитывая статус языка как государственного атрибута, современные риски, вызванные различными причинами, включая миграционную политику, недружественные действия зарубежных стран, можно говорить о целесообразности сопоставления различных конституционных моделей, закрепляющих статус языка для установления наиболее удачных правовых практик. При этом автрами отмечено отсутствие специальных сравнительно-правовых исследований конституций зарубежных стран, комплексно отражающих формализованные аспекты статуса языка в государстве. Кроме

<sup>1</sup> Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.



того, как отмечает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, именно в странах Восточной Европы в числе противоправных действий называлась языковая сегрегация<sup>1</sup>.

На основании приведенных аргументов поставлена цель данной работы – выявление в конституциях стран Восточной Европы норм о статусе различных видов языка в государстве, его сопряжениях с индивидуальными и коллективными субъектами социальной и публичной природы.

В исследовании были использованы общенаучные (системный, формально-логический, анализ и синтеза) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой и лингво-юридический) методы познания.

### **Нормы о языке в структуре конституций**

Структурно конституционными разделами/главами, формализующими различные виды языка, явились:

- преамбула (Босния и Герцеговина, Литва);
- общие/основные принципы/начала/положения (Албания, Болгария, Латвия, Румыния, Северная Македония, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония);
- основные права и свободы человека / обязанности граждан (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Эстония);
- экономические, социальные и культурные права (Северная Македония);
- свобода и ответственность (Венгрия);
- права национальных и этнических меньшинств (Чехия);
- право на судебную и иную правовую защиту (Чехия);
- гарантии основных прав и свобод (Северная Македония);
- человек и государство (Литва);
- государство (Босния и Герцеговина, Венгрия, Литва, Польша);
- суд (Литва, Румыния)
- государственный контроль (Латвия);
- пересмотр конституции (Румыния)
- исключительные положения (Польша).

Уточним, что формулировка «государственный язык» включена в тексты 5 (Албания, Латвия, Литва, Словакия, Эстония) из 14 проанализированных конституций. Более распространенной для данной группы стран является формулировка «официальный язык».

Минимальное число положений, посвященное языкам, установлено в конституции Болгарии (2), а максимальное – в конституции Румынии (8). Вместе с тем количество не связано с качеством правового регулирования столь важной сферы. К примеру, в Конституции Чехии установлено три нормы в рамках исследуемой тематики, однако отсутствует ключевое положение о том, какой язык в стране является официальным или государственным.

Исключительным выступает отражение положений о языке в преамбуле конституций. Такие оригинальные формулировки обнаружены в текстах конституций Боснии и Герцеговины, Литвы. В преамбуле Конституции Боснии и Герцеговины Декларация прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам указана в качестве одного из документов по вопросам прав человека, которым руководствовались, принимая Конституцию. В преамбуле Конституции Литвы упоминается сохранение родного языка литовским народом.

---

<sup>1</sup> Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека Российской Федерации за 2021 год. М., 2022. 483 с. С. 385-418.

Далее представим результаты установленных легализованных сопряжений норм о языке с основами конституционного строя, правовым статусом личности и формами государственной деятельности.

### Сопряжение норм о языке с основами конституционного строя

Итак, в каждой из заявленных конституций имеется самостоятельная статья/норма, закрепляющая государственный или официальный язык.

Так, согласно ч. 1 ст. 14 Конституции Албании «государственным языком в Республике Албания является албанский язык»<sup>1</sup>. Согласно ст. 4 Конституции Латвии «государственным языком в Латвийской Республике является латышский язык»<sup>2</sup>. В Литве в качестве государственного языка формализован литовский язык (ст. 14); в Эстонии – эстонский язык (ст. 6). В Конституции Словакии легализован государственный словацкий язык на всей территории Республики (ч. 1 ст. 6) с уточнением, что использование в официальных отношениях других языков, помимо государственного, регулируется законом (ч. 2 ст. 6).

Лаконичные формулы об официальном языке представлены в конституциях Болгарии (болгарский, ст. 3), Венгрии (венгерский, ч. 1 ст. Н), Польши (польский, ст. 27) и Румынии (румынский, ст. 13). По аналогии со словацкой Конституцией в ч. 3 ст. 36 Конституции Болгарии установлено, что «случаи, в которых используется только официальный язык, указываются в законе»<sup>3</sup>.

В конституциях Северной Македонии, Словении и Хорватии нормы об официальном языке представлены с содержательным приращением уточнения. В частности, согласно ст. 7 Конституции Северной Македонии, «в Республике официальным языком является македонский язык с кириллическим алфавитом»<sup>4</sup>. В данной же норме приведены правила об использовании языка представителями национальных меньшинств:

– «в единицах местного самоуправления, в которых большинство составляют представители национальных меньшинств, помимо македонского языка и кириллического алфавита, используется язык и алфавит этих национальностей в соответствии с установленной законом процедурой»<sup>5</sup>;

– «в единицах местного самоуправления, в которых значительное число составляют представители национальных меньшинств, помимо македонского языка и кириллического алфавита, используется язык и алфавит этих национальных меньшинств в соответствии с условиями и процедурой, предусмотренными законом»<sup>6</sup>.

Аналогичен подход в конституциях Словении и Хорватии. При официальном словенском языке в Словении «на территориях общин, где проживает итальянское или венгерское национальное сообщество, официальным языком также является соответственно итальянский или венгерский»<sup>7</sup> (ст. 11).

В ст. 12 Конституции Хорватии установлен официальный хорватский язык и латинский алфавит, но «в отдельных административно-территориальных единицах наряду

<sup>1</sup> Конституция Албании. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2019. URL: Конституция Албании | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>2</sup> Конституция Латвии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Латвии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>3</sup> Конституция республики Болгария // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа. 2010. URL: Конституция Болгарии | Конституции (worldconstitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>4</sup> Конституция Македонии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Македонии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>5</sup> Конституция Македонии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Македонии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Конституция Словении. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Словении | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).



с хорватским языком и латинским алфавитом может быть введен в официальное использование другой язык, а также кириллический или иной алфавит на условиях, предписанных законом»<sup>1</sup>.

Таким образом, выражена конституционная позиция не только по поводу официального языка и его алфавита, но и иных языков, распространенных у населения административно-территориальных единиц или местного самоуправления. Полагаем, приведенные дополнения являются конституционными гарантиями для серьезной части населения государства, использующего иной язык для общения.

Практически в каждой Конституции имеются нормы о государственном гарантировании сохранения и развития языка, в том числе представителям национальных или этнических меньшинств. Для примера ст. 35 Конституции Польши, согласно которой «Республика обеспечивает польским гражданам, принадлежащим к национальным и этническим меньшинствам, свободу сохранения и развития собственного языка»<sup>2</sup>. В аналогичном ключе ч. 1 ст. 6 Конституции Румынии. В рамках права на самобытность «государство признает и гарантирует лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, право на сохранение, развитие и проявление своей этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности»<sup>3</sup>. В числе гарантирующих и ст. 7 Конституции Румынии, согласно которой «государство поддерживает упрочение связей с румынами, проживающими за пределами страны, и содействует сохранению, развитию и проявлению ими сво[е]й... языковой... самобытности»<sup>4</sup>. Универсальная гарантирующая норма в отношении официального языка, а также языков национальных меньшинств установлена в венгерской Конституции: «Венгрия будет защищать венгерский язык; уважать языки национальностей и этнических групп, живущих в стране, а также языки других стран»<sup>5</sup>.

По универсальности содержания с приведенной нормой сопоставима ст. 48 Конституции Северной Македонии с гарантированием Республикой защиты языковой идентичности национальностей.

Обратим внимание на оригинальность формулировки в ч. 3 ст. О Конституции Венгрии. В соответствии с ней государство «защищает язык жестов для глухих и слабослышащих как часть венгерской культуры».

### **Сопряжение норм о языке с правовым статусом личности**

В исследованных конституциях выявлены упоминания языка в рамках различных элементов правового статуса личности. Самым распространенным сопряжением норм о языке с правовым статусом личности является включение языкового признака в принцип недопустимости дискриминации (ч. 2 ст. 18 Конституции Албании, ч. 2 ст. XIV Конституции Венгрии, ст. 29 Конституции Литвы, ст. 233 Конституции Польши, ч. 2 ст. 4 Конституции Румынии, ст. 54 Конституции Северной Македонии, ч. 2 ст. 12 Конституции Словакии, ст. 14 Конституции Словении, ст. 14 Конституции Хорватии, ч. 1 ст. 3 Конституции Чехии, ст. 12 Конституции Эстонии).

<sup>1</sup> Конституция республики Хорватия // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа. 2010. URL: Конституция Хорватии | Конституции (worldconstitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>2</sup> Конституция Польши. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2012. URL: Конституция Польши (Польской республики) | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>3</sup> Конституция Румынии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Румынии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Конституция Венгрии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Венгрии, 2012 г. | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

В аспекте дополнения классической формулировки следует назвать нормы конституций Словении и Хорватии. Так, на основании ст. 16 Конституции Словении «права человека и основные свободы могут быть отменены или ограничены только на время действия военного или чрезвычайного положения, только в том объеме, который требуется в связи с указанным положением, и таким образом, чтобы принятые меры не привели к неравенству прав исключительно в зависимости от расы, национальной принадлежности, пола, языка»<sup>1</sup>. Аналогичное установление выявлено в Конституции Хорватии применительно к периоду военного положения или в случае непосредственной угрозы независимости и единству государства (ст. 17).

Уточним, что в Конституции Боснии и Герцеговины отсутствует классическая формула принципа недискриминации, однако в п. «b» ст. 7 данный принцип отражен в связи с запретом лишения гражданства.

Конституционные положения о языке упоминаются и в контексте субъективных прав различных видов, в частности политической разнovidности. Так, согласно ст. 104 Конституции Латвии «каждый имеет право в предусмотренном законом виде обращаться в государственные учреждения и учреждения самоуправлений с заявлениями и получать ответ по существу... на латышском языке»<sup>2</sup>. Аналогичен текст нормы ст. 51 Конституции Эстонии, но в части эстонского языка, с уточнением, что «в регионах, где не менее половины постоянных жителей относятся к национальному меньшинству, каждый имеет право получать ответы от государственных учреждений, местных самоуправлений и должностных лиц также на языке этого национального меньшинства»<sup>3</sup>.

В ином текстуальном варианте выражена ст. 62 Конституции Словении с наименованием «Право на использование своего языка и письменности»: «каждый имеет право при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей, а также в отношениях с государственными и другими публичными органами, использовать свой родной язык и письменность в порядке, установленном законом»<sup>4</sup>.

Обоснованно сопряжение формулировок о языке с социально-культурным правом на образование. Так, согласно ч. 1 ст. 36 Конституции Болгарии «изучение и использование болгарского языка право и обязанность болгарских граждан». При этом «граждане, для которых болгарский язык не является родным, имеют право наряду с обязательным изучением болгарского языка изучать и использовать свой родной язык»<sup>5</sup> (ч. 2 ст. 36).

В ч. 2 ст. 32 Конституции Румынии определено, что «образование всех ступеней осуществляется на румынском языке. При установленных законом условиях образование может осуществляться и на языке, используемом в международном общении»<sup>6</sup>. Таким образом на конституционном уровне легализована еще одна разновидность языка в государстве – язык международного общения.

В ст. 37 Конституции Эстонии легализовано право каждого учиться на эстонском языке, а «язык обучения в учебном заведении для национального меньшинства избирает учебное заведение»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Конституция Словении. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Словении | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>2</sup> Конституция Латвии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Латвии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>3</sup> Конституция Эстонии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Эстонии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>4</sup> Конституция Словении. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Словении | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>5</sup> Конституция республики Болгария // Конституции. Библиотека конституций Пашкова Романа. 2010. URL: Конституция Болгарии | Конституции (worldconstitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>6</sup> Конституция Румынии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Румынии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>7</sup> Конституция Эстонии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Эстонии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).



В Конституции Румынии формализовано «право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, изучать родной язык и право получать образование на этом языке»<sup>1</sup>, которые гарантируются (ч. 3 ст. 32).

Распространено включение положений о языке в субъективные права участников судопроизводства. К примеру, на основании ч. 1 ст. 28 Конституции Албании «каждый, кого лишают свободы, имеет право быть незамедлительно информированным на понятном ему языке о причинах этой меры и о выдвинутом против него обвинении»<sup>2</sup>. Текстуально и содержательно аналогичны нормы ст. 19 Конституции Словении и ст. 21 Конституции Эстонии. Практически совпадает с изложенными ч. 2 ст. 127 Конституции Румынии и ст. 29 Конституции Хорватии лишь с дополнением о праве лица на «бесплатную помощь переводчика, если не понимает и не говорит на языке, на котором ведется судебное разбирательство». Лишь о помощи переводчика идет речь в ч. 4 ст. 47 Конституции Словакии и ч. 4 ст. 37 Конституция Чехии.

Обоснованно упоминания языка в связи с формализацией субъективных прав отдельных категорий населения, например, представителей национальных или этнических меньшинств и их родном языке.

Так, согласно ч. 2 ст. 20 Конституции Албании «представители национальных меньшинств имеют право свободно, без запрета и принуждения, выражать свою языковую самобытность. Они имеют право сохранять ее и развивать, обучать и учиться на родном языке...»<sup>3</sup>. В рамках особых прав автохтонных итальянского и венгерского национальных сообществ предусмотрены идентичные права с уточнением о материальном и моральном содействии государства в осуществлении этих прав (ст. 64 Конституции Словении).

В ч. 1 ст. XXVII Конституции Венгрии установлено, что «национальные и этнические меньшинства будут иметь право использовать свой родной язык, чтобы использовать их имена на своем родном языке, способствовать их культуре и образованию с учетом их языков»<sup>4</sup>. На основании ст. 114 Конституции Латвии «лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право сохранять и развивать свой язык, этническую и культурную самобытность»<sup>5</sup>. Согласно ст. 37 Конституции Литвы «граждане, принадлежащие к национальным общинам, имеют право на развитие своего языка, культуры и обычаев»<sup>6</sup>.

Широкие права у представителей национальностей (в смысле меньшинств) зафиксированы в Северной Македонии. Так, представители национальностей имеют право: «основывать культурные и художественные учреждения, научные и другие объединения, целью которых является выражение, сохранение и развитие своей национальной идентичности» (ст. 48)<sup>7</sup>; «преподавать на своем языке в начальной и средней школе в соответствии с установленной законом процедурой. В школах, в которых обучение осуществляется на языке национальностей, изучается и македонский язык»<sup>8</sup> (ст. 48).

Согласно ст. 34 Конституции Словакии гражданам, образующим в Словацкой Республике национальные меньшинства или этнические группы, гарантируется право

<sup>1</sup> Конституция Румынии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Румынии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>2</sup> Конституция Албании. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2019. URL: Конституция Албании | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Конституция Венгрии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Венгрии, 2012 г. | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>5</sup> Конституция Латвии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Латвии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>6</sup> Конституция Литвы. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Литвы | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>7</sup> Конституция Македонии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Македонии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>8</sup> Там же.

распространять и получать информацию на родном языке (ч. 1); овладение государственным языком и право пользоваться своим языком в официальных отношениях (ч. 2). Аналогичен текст ч. 1 и 2 ст. 25 Конституции Чехии.

В ст. 15 Конституции Хорватии использована широкая содержательная формула, гарантирующая представителям всех народов и национальных меньшинств свободное использование своего языка и письменности.

### Сопряжение норм о языке с государственной деятельностью

Установлены соприжения с органами законодательной, судебной власти, а также уровнем самоуправления. Наиболее универсальным содержанием отличается ч. 5 ст. 26 Конституции Словакии: «органы публичной власти обязаны соответствующим образом представлять информацию о своей деятельности на государственном языке»<sup>1</sup>. В аналогичном смысловом ключе сформулирована ст. 52 Конституции Эстонии, согласно которой «делопроизводство в государственных учреждениях и местных самоуправлениях ведется на эстонском языке»<sup>2</sup>. Далее в норме уточняется, что «в регионах, где эстонский язык не является языком большинства населения, местные самоуправления могут в установленных законом объеме и порядке вести внутреннее делопроизводство на языке большинства постоянного населения этого региона»<sup>3</sup>.

В Конституции Латвии государственный язык предписан в качестве рабочего в парламенте (ст. 21) и органах самоуправления (ст. 101). В ст. 18 Конституции Латвии закреплена торжественная клятва члена Сейма, произнесение которой связано с приобретением им полномочий. В тексте клятвы указано обещание «быть преданным Латвии, укреплять ее суверенитет и латышский язык, как единственный государственный язык...»<sup>4</sup>. Применительно к судебной власти в ст. 117 Конституции Литвы указано, что «судопроизводство в... Республике ведется на государственном языке»<sup>5</sup>, а в Румынии – на румынском языке (ч. 1 ст. 127 Конституции Румынии). В качестве оригинального надлежит привести текст ч. 1 ст. 28 Конституции Венгрии в части легализации языка закона. В этой норме указано, что «во время применения закона суды будут интерпретировать язык закона, совместимого с его намерением и Конституцией»<sup>6</sup>.

Особый интерес представляет ч. 1 ст. 148 Конституции Румынии, легализующая запрет пересмотра норм Конституции об официальном языке наряду с республиканской формой правления, территориальной целостностью, независимостью юстиции и политическим плюрализмом. Приведенная норма демонстрирует статус языка в качестве одной из высших конституционных ценностей. Ни в одной из исследованных конституций заявленной группы государств подобного рода нормы не обнаружено.

### Заключение

Подводя итоги, уточним, что атрибутивный статус языка на уровне государства подтверждается его легализацией в конституционных главах, посвященных основам государства, его общим принципам или основам правового статуса личности. На наш

<sup>1</sup> Конституция Словакии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Словакии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>2</sup> Конституция Эстонии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Эстонии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Конституция Латвии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2022. URL: Конституция Латвии | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>5</sup> Конституция Литвы. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Литвы | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).

<sup>6</sup> Конституция Венгрии. Восточная Европа // Россия: Библиотека Пашкова. 2018. URL: Конституция Венгрии, 2012 г. | Россия: Библиотека Пашкова (constitutions.ru) (дата обращения 10.04.2024).





взгляд, такая локализация норм о языке подчеркивает и их объединяющую роль для личности, общества и государства.

Во всех исследованных Конституциях стран Восточной Европы легализован государственный или официальный язык и его государственные гарантии. В качестве наименее распространенных разновидностей легализованы родной язык, рабочий язык и в единичном варианте – язык, используемый в международном общении.

Как показал анализ конституционных норм стран Восточной Европы, язык – это не только государственный атрибут, но в некоторой мере и элемент правового статуса личности, хотя более правильной является корреляция языка с отдельными элементами правового статуса личности (правовыми принципами, субъективными правами, юридическими гарантиями).

Наименшее количество сопряжений установлено в части норм о языке и государственной деятельности, однако эти нормы в конституциях стран Восточной Европы затрагивают все уровни и сферы деятельности публичной власти.

Таким образом, в целом модель конституционной формализации языка в странах Восточной Европы представляется комплектной.

### Список литературы

- Батюшкина М.В. 2017. Государственные языки республик: к вопросу о моделировании статуса, функциональной роли и ситуациях употребления. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*, 3(3): 113–128. DOI: [10.21684/2411-197X-2017-3-3-113-128](https://doi.org/10.21684/2411-197X-2017-3-3-113-128)
- Борисова Н.В. 2016. Политизация языка и языковая политика в этнических территориальных автономиях. *Мировая экономика и международные отношения*, 60(9): 67–75. DOI: [10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75)
- Доровских Е.М. 2007. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык». *Журнал российского права*, 12: 8–20.
- Жидикин А.А. 2017. Правовой статус государственных языков в зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование. *Ежегодник российского образовательного законодательства*, 17(12): 112–135.
- Краснов Л.Н. 2019. К вопросу о государственной защите родных языков национальных меньшинств. *Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права*, 2(16): 60–70.
- Мархгейм М.В. 2023. Государственный язык России: конституционно-правовые ракурсы и сопряжения. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 3(154): 73–80.
- Новикова А.Е. 2023. Конституционная формализация государственного языка в странах СНГ. *Право и государство: теория и практика*, 10(226): 132–135. DOI: [http://doi.org/10.47643/1815-1337\\_2023\\_10\\_132](http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_132)
- Новикова А.Е. 2024. Конституционная формализация языка в странах Африки. *Право и государство: теория и практика*, 5(233): 210–213. DOI: [10.47643/1815-1337\\_2024\\_5\\_210](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_210)
- Орешкина М.В. 2020. Официальный язык. *Социолингвистика*, 2(2): 124–137.
- Петербургский М.Ю. 2020. Государственный язык, официальный язык и язык меньшинства: теоретико-правовые проблемы дефиниций и регулирования статуса в многонациональном государстве. *Труды Института государства и права Российской академии наук*, 5(15): 203–229. DOI: [10.35427/2073-4522-2020-15-5-peterburgsky](https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-5-peterburgsky)

### References

- Batiushkina M.V. 2017. State Languages of Republics: To the Question on the Modeling of the Status, Functional Role and Situations of Use. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 3(3): 113-128. (In Russian). DOI: [10.21684/2411-197X-2017-3-3-113-128](https://doi.org/10.21684/2411-197X-2017-3-3-113-128)



- Borisova N.V. Politicization of Language and Language Preferential Policy in Ethnic Territorial Autonomies. *World Economy and International Relations*, 60(9): 67–75. (In Russian). DOI: [10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-9-67-75)
- Dorovskih E.M. 2007. К вопросу о разграничении понятий «gosudarstvennyj yazyk» i «oficial'nyj yazyk» [On the issue of distinguishing the concepts of "state language" and "official language"]. *ZHurnal rossijskogo prava*, 12: 8–20.
- ZHidikin A.A. 2017. Pravovoj status gosudarstvennyh yazykov v zarubezhnyh stranah: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [The legal status of official languages in foreign countries: a comparative legal study]. *Ezhegodnik rossijskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva*, 17(12): 112–135.
- Krasnov L.N. 2019. On state protection of native languages of national minorities. *Regional'noe i municipal'noe upravlenie: voprosy politiki, ekonomiki i prava*, 2(16): 60–70. (In Russian).
- Markhgeym M.V. 2023. Gosudarstvennyj yazyk Rossii: konstitucionno-pravovye rakursy i sopryazheniya [The state language of Russia: constitutional-law perspectives and interfaces]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 3(154): 73–80.
- Novikova A.E. 2023. Constitutional formalization of the state language in the CIS countries. *Law and State: The Theory and Practice*, 10(226): 132–135. DOI: [http://doi.org/10.47643/1815-1337\\_2023\\_10\\_132](http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_132) (In Russian)
- Novikova A.E. 2024. Constitutional formalization of language in African countries. *Law and state: theory and practice*, 5(233): 210–213. (In Russian). DOI: [10.47643/1815-1337\\_2024\\_5\\_210](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_5_210)
- Oreshkina M.V. 2020. The official language. *Sociolinguistic studies*, 2(2): 124–137. (In Russian). DOI: [10.37892/2713-2951-2020-2-2-124-137](https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-2-2-124-137)
- Peterburgsky M.Yu. State language, official language and minority language: theoretical and legal problems of definitions and status regulation in a multinational state. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 5(15): 203–229. (In Russian). DOI: [10.35427/2073-4522-2020-15-5-peterburgsky](https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-5-peterburgsky)

**Конфликт интересов:** о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.  
**Conflict of interest:** no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.05.2024

Поступила после рецензирования 26.06.2024

Принята к публикации 01.07.2024

Received May 11, 2024

Revised June 26, 2024

Accepted July 01, 2024

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ


**Новикова Алевтина Евгеньевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0001-7001-4908](https://orcid.org/0000-0001-7001-4908)

**Грищенко Дмитрий Сергеевич**, преподаватель, Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, г. Химки, Россия.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**Alevtina E. Novikova**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-7001-4908](https://orcid.org/0000-0001-7001-4908)

**Dmitrij S. Grishchenko**, the teacher, The Civil Defence Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki, Russia.